ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Особенности образов ольфакторного модуса перцепции из иллюстративного материала (по лексикографическим источникам)

Степанова П. С.

Аннотация. Статья посвящена когнитивно-семантическому анализу вербализации ольфакторного (обонятельного) модуса перцепции в русском языке. Исследование базируется на системном описании языковых средств выражения чувственного опыта и механизмов концептуализации телесных ощущений, извлеченных из корпуса 24 авторитетных лексикографических источников. В работе детально рассматриваются связи между различными органами чувств при формировании смыслов (синестетические переносы) и когнитивные модели метафоризации, определяющие специфику формирования образа запаха в языковом сознании. Цель исследования – установление закономерностей «овеществления» незримого восприятия в русском языке через выстраивание иерархической системы образных моделей репрезентации запаха. Научная новизна работы заключается в обосновании статуса иллюстративного материала словарей как самостоятельного когнитивного ресурса, позволяющего верифицировать процессы материализации чувственного опыта, которые ранее не имели системного описания на столь масштабном массиве данных. Автором впервые доказано, что словарная иллюстрация выступает не просто средством семантизации лексемы, но и инструментом фиксации висцеральных реакций и соматизации запаха. Полученные результаты исследования подтверждают значимость вкусовой синестезии как одного из ключевых механизмов концептуализации ольфакторной сферы. Анализ выявил доминирование динамической и параметрической моделей, а также устойчивую тенденцию к усилению антропоморфных и висцеральных характеристик образа запаха в художественном дискурсе. Выводы работы расширяют теоретическую базу когнитивной лингвистики в области изучения сенсорного восприятия и могут быть интегрированы в практику лексикографии.

EN

Features of olfactory mode perception images from illustrative material (based on lexicographical sources)

P. S. Stepanova

Abstract. The article is devoted to a cognitive-semantic analysis of the verbalization of the olfactory mode of perception in the Russian language. The research is based on a systematic description of the linguistic means used to express sensory experience and the mechanisms of conceptualizing bodily sensations, extracted from a corpus of 24 authoritative lexicographical sources. The work examines in detail the connections between various senses in the formation of meanings (synesthetic transfers) and the cognitive models of metaphorization that determine the specific ways olfactory images are formed in the linguistic consciousness. The study aims to establish patterns in the “objectification” of invisible perception in the Russian language by constructing a hierarchical system of figurative models for smell representation. The scientific novelty of the research lies in substantiating the status of dictionary illustrative material as an independent cognitive resource that allows for the verification of the processes of materializing sensory experience, which had not previously been systematically described on such a large dataset. For the first time, the author proves that dictionary illustrations act not merely as a means of lexical semanticization but as a tool for recording visceral reactions and the somatization of smell. The results of the study confirm the significance of gustatory synesthesia as one of the key mechanisms for conceptualizing the olfactory sphere. The analysis revealed the dominance of dynamic and parametric models, as well as a steady trend toward the intensification of anthropomorphic and visceral characteristics of olfactory images in literary discourse. The study’s conclusions expand the theoretical framework of cognitive linguistics in the field of sensory perception and can be integrated into lexicographic practice.

Научная статья (original research article) | **https://doi.org/10.30853/phil20260244**

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Введение

Современная лингвистическая парадигма характеризуется пристальным вниманием к проблемам корпореальности в языке. В центре внимания лингвистики находится антропоцентрический аспект перцепции, однако распределение исследовательского интереса между сенсорными модальностями остается неравномерным. В то время как визуальный и аудиальный модусы получили детальное описание, ольфакторный модус перцепции по-прежнему классифицируется как «трудновербализуемый» сегмент языковой картины мира.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности в описании ольфакторных ощущений и решения проблемы языковой объективации незримой перцепции. Востребованность работы диктуется запросом современной когнитивной лингвистики на системное описание механизмов концептуализации телесного опыта. Использование лексикографического иллюстративного материала позволяет выявить живые процессы метафоризации, которые фиксируют способы «овеществления» запаха в национальном языковом сознании.

Для достижения цели в работе решаются следующие задачи:

1) систематизировать теоретические подходы к изучению ольфакторной перцепции на стыке когнитивной лингвистики и лексикографии;

2) исследовать механизмы синестезии как основного способа межсенсорного переноса при вербализации запахов в русском языке;

3) раскрыть специфику синестемии как инструмента трансляции ментальных и эмоциональных состояний через ольфакторные образы;

4) охарактеризовать динамическую модель метафоризации, описывающую физические свойства и интенсивность распространения запаха;

5) описать параметрическую модель, определяющую пространственные и количественные характеристики ольфакторного образа;

6) выявить закономерности антропоморфной и висцеральной метафоризации как проявлений процесса соматизации ольфакторного опыта.

Теоретической базой исследования послужили труды И. Г. Рузина (1995), С. А. Моисеевой (2015), А. М. Смолиной (2009), Г. Н. Филипповой (2009) и Р. Ф. Брылевой (2016), посвященные стратегиям выражения модусов перцепции в языке, синкретизму эмпирийных прилагательных и функциональной семантике ольфакторной лексики. Кроме того, учитывались работы И. И. Валуйцевой и Н. С. Стариченко (2015), рассматривающие специфику функционирования синестетических метафор в современных дискурсивных практиках.

Современный этап изучения вопроса представлен трудами Е. В. Харченко, Фу Хуэйюй (2025) и Вэй Жань, О. В. Зайцевой, П. А. Катышева (2023), в которых исследуются стратегии вербализации запахов и механизмы концептуализации ольфакторных стимулов в различных лингвокультурах. Важным аспектом работы стало применение статистических моделей для анализа сенсорного опыта, предложенное П. Н. Барышниковым, Л. А. Велис (2025). Проблема формирования синестетических переносов и ольфакторной метафоры находит отражение в исследованиях Е. П. Иванян, П. С. Ивановой (2020) и О. Жихаревой (Zhykharieva, 2024). Междисциплинарный характер перцепции в контексте культуры и биологии уточняется с опорой на концепции A. Majid (2021), а также Y. Jraissati и O. Deroy (2021).

Важным аспектом исследования явилось определение механизмов концептуализации и вербализации чувственного опыта, что стало возможным благодаря трудам Е. П. Иванян (2015) и М. В. Ласковой (2001), дающим описание феномена синестемии как инструмента формирования «метафорического портрета» запаха и способа объективации абстрактных категорий. Теоретический фундамент в области метафорического моделирования, субъектности и аксиологического потенциала ольфакторных образов составили концепции А. П. Чудинова (2001), В. Г. Гака (1998) и В. П. Москвина (2006). Также в работе использованы идеи Ю. Д. Апресяна (1995) и Н. Д. Арутюновой (1999), заложившие основы интегрального описания языка и антропоцентрического анализа перцепции.

Материалы исследования составили 3096 контекстов, извлеченных из иллюстративных зон 24 лексикографических источников. Репрезентативность выборки обеспечивается привлечением широкого спектра изданий, классифицированных по функциональному типу:

1) толковые и академические словари, в том числе БАС (2004-2021), МАС (1957-1961), словари С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (2007), КСРЯ (2009), СРЯ (2013);

2) этимологические словари и справочники иностранных слов Г. Ю. Багриновского (2018), И. А. Васюковой (2005), Т. В. Егоровой (2014), ЭСРЯ (2012);

3) фразеологические и паремиологические словари Х. Вальтера и В. М. Мокиенко (2005), В. М. Мокиенко (2003), Т. Л. Федоровой (2013), БФСРЯ (2010), БСРП (2007), СРФ (1998);

4) аспектные словари сравнений, эпитетов, перифраз и оксюморонов К. С. Горбачевича (2002; 2004), Л. А. Лебедевой (2015), А. Б. Новикова (2004), С. Б. Козинца (2014);

5) словари речевой культуры и системных отношений в лексике А. Балакая (2001), М. В. Петровой (2011), Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой (2002), Е. П. Сеничкиной (2008).

Использование столь масштабного и разнопланового массива данных позволяет верифицировать системный характер ольфакторных образов в русском языке.

Выбор методологического аппарата обусловлен необходимостью системного описания вербализации ольфакторной перцепции на стыке когнитивной лингвистики и лексикографии. Эмпирическая база исследования сформирована методом сплошной выборки (3096 контекстов из 24 словарей), а ее структурное упорядочивание и построение типологии метафор осуществлено с помощью методов систематизации и классификации. Семантическая структура лексем и специфика речевой реализации ольфакторных единиц изучались в рамках дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа. Моделирование процессов концептуализации соматического опыта, дифференциация параметрических и динамических моделей метафоризации, а также соотнесение типов межсенсорного переноса реализованы посредством когнитивно-семантического и сравнительно-сопоставительного методов. Верифицируемость выводов обеспечена применением количественного (статистического) анализа, результаты которого послужили основой для последующей когнитивной интерпретации закономерностей соматизации ольфакторного опыта в русской языковой картине мира.

Практическая значимость исследования заключается в возможности внедрения его результатов в практику преподавания филологических дисциплин, при проектировании курсов по корпореальной семантике, когнитивной лингвистике и лексикографии, а также в практике интерпретации художественного текста. Полученные данные могут быть применены в учебно-методической деятельности при создании учебных пособий по семантике и в практике современной лексикографии при совершенствовании иллюстративных зон словарей.

Обсуждение и результаты

I. Механизмы синестетической конвергенции ольфакторного модуса в языковой системе

Ольфакторный модус перцепции характеризуется высокой степенью взаимодействия с другими сенсорными каналами. Данный феномен определяется в лингвистике как синестезия, под которой понимается «явление, основанное на интермодальном переключении или смешении» (Валуйцева, Стариченко, 2015, с. 7). По мнению И. Г. Рузина, лингвистическая природа синестезии заключается в «употреблении слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств» (1995, с. 94).

С. А. Моисеева (2015) предлагает разграничивать узкое и широкое понимание данного феномена. В широком смысле синестезия трактуется как психофизиологическая способность человека к «соощущению» различных сенсорных стимулов (звуков, цветов, запахов), в то время как в узком лингвистическом понимании она выступает как «феномен восприятия, означающий совмещение двух перцептивных актов в одной лексеме» (Моисеева, 2015, с. 47), что эксплицирует полимодальность и синкретизм человеческого восприятия. Рассматривая статус данного явления, Г. Н. Филиппова (2009, с. 60) классифицирует синестезию как стилистический троп, а Р. Ф. Брылева (2016, с. 3) вводит понятие полирецепторной метафоры, которая становится неотъемлемой частью вербализации мира ароматов, расширяя его экспрессивные границы за счет заимствования признаков из сфер вкуса и осязания. Согласно А. Н. Смолиной (2009, с. 103), синестетические метафоры подразделяются на языковые, создающие устойчивые образы, и речевые, формирующие оригинальные авторские конструкты.

В ходе корпусного анализа было установлено, что 18% контекстов иллюстративного материала базируются на механизмах языковой синестезии. Статистическое распределение типов синестетической связи внутри исследуемой выборки выявило следующую иерархию доминирующих сенсорных каналов:

– вкусовой канал (70%): абсолютная доминанта синестетических переносов;

– аудиальный канал (14%): использование слуховых маркеров для передачи динамики и интенсивности распространения запаха в пространстве;

– тактильный канал (10%): перенос осязательных признаков (плотность, температура, текстура) на ольфакторный объект, что способствует его «овеществлению»;

– визуальный канал (6%): наименее частотный тип связи, при котором запах наделяется цветовыми или пространственно-геометрическими характеристиками.

Столь высокая репрезентативность вкусовой синестезии (70% от общего числа синестетических контекстов) свидетельствует о глубоком когнитивном синкретизме ольфакторного и густаторного (вкусового) модусов в языковом сознании носителей русского языка. Данная закономерность подтверждает тезис о том, что для носителя русского языка запах наиболее верифицируем и «материален» именно в категориях вкуса, что позволяет трансформировать призрачное ольфакторное ощущение в биологически значимый, почти физиологический опыт.

Лингвистическая интерпретация иллюстративного материала позволяет эксплицировать специфику взаимодействия ольфакторного модуса с иными сенсорными сферами:

1. Ольфакторно-густаторная синестезия. Как было отмечено ранее, вкусовая метафорическая модель является доминирующей. В контексте *«В утренней прохладе разлит горький здоровый запах полыни»* (Куприн) лексема «горький» объективирует интенсивность вкусового ощущения в структуре ольфакторного образа, придавая ему верифицируемую достоверность. Взаимодействие с эпитетом «здоровый» (антропоморфная метафора) и предикатом «разлит» (гидроморфная метафора) трансформирует ольфакторный образ в плотную биологическую субстанцию, обладающую свойствами жидкости. Это подчеркивает тотальность заполнения пространства и качественную однородность воздушной среды.

2. Аудиально-ольфакторная синестезия. Данный тип связи актуализирует динамический потенциал запаха. В примере *«Еще на лестнице он услышал запах...»* (Куприн) использование глагола слуховой перцепции вместо десемантизированного «почувствовал» переводит запах в категорию агрессивного внешнего раздражителя. Акустическая метафора мотивирована волновой природой распространения аромата: он «настигает»

субъекта подобно звуку. Сочетание с предикатом «стоял» овеществляет запах, наделяя его характеристиками твердого тела, что эксплицирует застойность и «непроветриваемость» бытового пространства.

3. Тактильно-температурная объективация. Перенос осязательных признаков позволяет передать физическое воздействие аромата на реципиента. В фрагменте К. Паустовского (*«в жаркий воздух влетал прохладный запах...»*) ольфакторный образ строится на температурном контрасте. Наделение запаха параметром «прохлады» в сочетании с динамическим глаголом «влетал» создает эффект физиологического освежения. Запах здесь концептуализируется как активный субъект, обладающий скоростью и вектором движения, что подчеркивает внезапность сенсорного контакта.

4. Визуально-ольфакторная репрезентация. Несмотря на меньшую частотность, данный тип синестезии обладает высокой эстетической значимостью. В примере М. Шолохова (*«Тонкий многоцветный аромат устойчиво держится над садами»*) происходит визуализация невидимой перцепции. Прилагательное «многоцветный» детерминирует сложную, диффузную структуру запаха, где каждый ольфакторный оттенок соотносится с визуальным образом цветущего сада. Запах метафоризируется как живописное полотно, обладающее устойчивой пространственной локализацией.

II. Синестемия как механизм когнитивной деривации ольфакторного образа

Качественно иным уровнем концептуализации запаха является синестемия, предполагающая перенос ольфакторного признака из физиологической в ментальную сферу. Фундаментальным в этом направлении является подход Е. П. Иванян (2015, с. 143), рассматривающей синестемию как сложный когнитивный механизм формирования «метафорического портрета» запаха. Обладая высокой степенью имплицитности, ольфакторный образ становится в языке базой для объективации различных состояний и процессов, выходящих за пределы сугубо сенсорной сферы.

Применение методики метафорического моделирования, предложенной А. П. Чудиновым (2001, с. 124), позволяет интерпретировать ольфакторные образы как когнитивную базу для описания абстрактных сущностей. В рамках данного подхода синестемия реализует перенос признаков перцепции на целевые сферы, объективируя психологическую или социальную атмосферу через модель «Запах – это Состояние».

Феномен синестемии, зафиксированный в 10% иллюстративного материала выборки, представляет собой сложный процесс концептуальной интеграции, при котором ольфакторный признак переносится из перцептивной сферы в ментальную и эмоциональную. В ходе исследования была выявлена отчетливая градация способов концептуализации запаха:

1. Тактильно-ольфакторная объективация. В контексте А. П. Чехова (*«наполняли воздух нежным ароматом»*) тактильный маркер «нежный» (осязание) используется для семантизации деликатности ольфакторного воздействия. Отсутствие раздражающих нот в структуре запаха формирует образ мягкой, обволакивающей субстанции, что подчеркивает гармоничное восприятие субъектом окружающей среды.

2. Концептуальная метафора. Пример А. Гранина (*«аромат романтики»*) иллюстрирует концептуальную метафору. Ольфакторный модус здесь выступает в роли донора для формирования абстрактного социального конструкта. Благодаря лексеме «аромат» неконкретное понятие «романтика» приобретает интуитивно-биологическую достоверность, превращаясь в «атмосферу», доступную для непосредственного проживания.

3. Психоэмоциональная детерминированность. В примере М. Шолохова (*«томительный и сладостный аромат ландыша»*) наблюдается синтез вкусовой синестезии и эмоционально-оценочного компонента. Эпитет «томительный» переводит описание перцептивного акта в сферу внутренних переживаний субъекта, наделяя запах модальностью ожидания и томления. В данном контексте ольфакторный образ выступает как катализатор эмоционального состояния, что соотносится с положениями Е. П. Иванян (2015) о способности метафорического портрета запаха эксплицировать скрытые смыслы и участвовать в создании подтекста художественного произведения.

4. Соматическая репрезентация ольфакторного опыта. Особый научный интерес представляют контексты, демонстрирующие предельную материализацию запаха, при которой перцептивный образ вызывает физиологический отклик организма (соматизацию). В примере М. Трауб (*«запах, от которого... свело желудок и начались спазмы»*) фиксируется механизм прямой связи между обонятельным стимулом и ощущениями со стороны внутренних органов. В данном случае ольфакторный образ перестает быть объектом пассивного наблюдения и концептуализируется как агрессивная среда, оказывающая физическое воздействие на субъекта. Подобная детализация подчеркивает значимость запаха как канала трансляции биографической памяти, где телесный отклик служит маркером предельной достоверности воспоминания.

В исследованном материале прослеживается вариативность репрезентации ольфакторного образа: от эстетизированных тактильных характеристик до сложных абстрактных концептов и описания соматических реакций. Выявленная тенденция к вербализации запаха через физиологические ощущения подтверждает значимость ольфакторного модуса как важного элемента сенсорного опыта, непосредственно связанного с психофизическим состоянием субъекта. Способность ольфакторных образов вызывать прямой телесный отклик свидетельствует об их особой роли в структуре языкового сознания, перцептивные данные становятся основой для объективации глубоко личных переживаний.

III. Когнитивные модели метафоризации ольфакторного образа в лексикографическом дискурсе

Анализ иллюстративного материала позволяет утверждать, что в лексикографической практике репрезентация запаха базируется на ряде когнитивных моделей, позволяющих описать невидимую перцепцию через визуально и тактильно наглядные образы. Распределение выявленных метафорических моделей в структуре изученного массива контекстов представлено следующим образом: динамическая метафора (9%), метафора

размера и степени проявления (9%), антропоморфная метафора (3%), прочие типы метафоризации (например, природная, временная и др.) составили в совокупности 6,5%. Оставшуюся часть выборки (72,5%) составляют прямые номинации и синестетические переносы, среди которых доминирует вкусовая синестезия.

Проанализируем данные модели:

1. Динамическая метафора (метафора движения). В рамках данной модели запах концептуализируется как субъект, наделенный признаком процессуальности. Использование глаголов движения (идти, проникать, доноситься) позволяет представить распространение запаха не как статичное состояние, а как направленный процесс. Это подчеркивает автономность ольфакторного признака (его восприятие независимо от видимого источника) и экспансивность – способность запаха заполнять окружающее пространство и достигать субъекта восприятия.

В рамках данной модели ольфакторный образ концептуализируется как активный субъект, наделенный интенциональностью и способностью к направленному перемещению в пространстве.

Репрезентативным примером служит контекст из повести А. И. Куприна: *«[Повсюду] шел за ним сладкий, нежно-вкрадчивый аромат цветущей белой акации»*. В данном случае наблюдается взаимодействие (сочетание) различных метафорических признаков, при котором физическое распространение запаха описывается через уподобление действиям человека. Предикат «шел» меняет статус ольфакторного образа: запах перестает восприниматься как пассивный признак предмета и наделяется свойствами активного субъекта.

Метафоризация движения в данном случае создает эффект преследования: аромат не просто заполняет среду, а совершает целенаправленное перемещение «по пятам» за реципиентом. Использование определения «вкрадчивый» в сочетании с глаголом движения создает антропоморфный подтекст, уподобляя распространение аромата скрытному перемещению живого существа. Это позволяет автору представить запах не просто как фон, а как значимый элемент художественной ситуации, удерживающий внимание субъекта. Таким образом, динамическая метафора выполняет когнитивную функцию объективации самостоятельности запаха, описывая его как активную силу, способную влиять на восприятие человека.

2. Параметрическая метафора (метафора размера и интенсивности). Данная модель опирается на категорию квантитативности и физические параметры тел. Как отмечает В. П. Москвин (2006, с. 45), ольфакторный образ в языке реифицируется (овеществляется), приобретая характеристики плотности (*густой, тонкий*) и веса (*тяжелый, легкий*). Такая интерпретация позволяет градуировать интенсивность восприятия через систему пространственных измерений, превращая аромат в «осязаемую» материю.

Данная модель базируется на принципе овеществления ольфакторного образа, при котором невидимая субстанция наделяется характеристиками физического объекта: весом, плотностью, интенсивностью и объемом.

В иллюстрации из романа А. С. Пушкина – *«На столе стояли стаканы, …и сильный дух рома слышался по всей комнате»* – интенсивность аромата репрезентируется через метафору физической мощности. Адъектив «сильный» переводит описание высокой степени насыщенности запаха в категорию энергетического воздействия: ольфакторный образ концептуализируется как активная субстанция, оказывающая выраженное влияние на восприятие субъекта. Взаимодействие параметрического признака («сильный») и синестетического глагола в форме «слышался» эксплицирует распространение запаха в пространстве: ольфакторный объект полностью заполняет объем помещения, приобретая статус доминирующего фона.

В лексикографическом материале степень проявления запаха структурируется через систему бинарных оппозиций, отражающих различные физические подходы: энергетический (*сила/слабость*), гравитационный (*тяжесть/легкость*) и геометрический (*толщина/тонкость*). Использование данных параметров позволяет языку объективировать эфемерную природу запаха, наделяя его осязаемыми, физически верифицируемыми характеристиками.

3. Антропоморфная метафора. Реализуя принцип антропоцентризма, данная модель описывает ольфакторный образ через проекцию признаков человеческого состояния или поведения (*уснувший, пьяный, вкрадчивый*). Концепцию Е. П. Иванян (2015, с. 143) о «семантике умолчания», позволяющей эксплицировать скрытые смыслы через косвенные номинации, можно соотнести и с функционированием антропоморфной метафоры в ольфакторной сфере. В данном контексте одушевление запаха позволяет транслировать модальность ситуации: аромат наделяется ролью «скрытого участника» событий, чьи характеристики (например, *уснувший* или *вкрадчивый*) передают эмоциональный подтекст, не выраженный в тексте эксплицитно.

В рамках данной модели ольфакторный образ наделяется характеристиками одушевленного субъекта: интенциональностью, способностью к волеизъявлению, эмоциональными состояниями и физиологической активностью. Запах в языке подвергается антропоцентрической проекции, при которой он перестает быть пассивным объектом наблюдения и будто бы становится активным участником коммуникативного и событийного пространства.

Репрезентативным примером данной модели служит контекст из произведения Н. Александровой: *«Чудесные азалии стекают с ее ступней, наполняя воздух божественным ароматом…»*. В данном случае антропоморфизм реализуется через сакрализацию ольфакторного объекта. Использование адъектива «божественный» выводит описание запаха из сугубо перцептивного плана в плоскость высокой эстетической оценки. Аромат концептуализируется как исключительный по своим качествам объект, при этом акцент смещается с физического процесса его распространения на аксиологическую значимость. Использование лексемы с сакральной семантикой позволяет автору подчеркнуть благородство и чистоту запаха, наделяя его статусом эталонного благоухания в рамках художественного контекста.

Таким образом, антропоморфная метафора в лексикографической иллюстрации служит инструментом трансляции аксиологической (оценочной) значимости запаха.

4. Метафора неизвестности. Данная модель обусловлена невозможностью точной идентификации источника или качественных характеристик запаха. Опираясь на описанные Ю. Д. Апресяном (1995) свойства детерминативов неопределенности (*какой-то, некий, особый*), можно утверждать, что их использование отражает специфику категоризации объекта в условиях отсутствия прямой номинации. В ольфакторной сфере такие лексемы маркируют границы перцептивного опыта, когда субъект фиксирует присутствие запаха, но не может соотнести его с конкретным предметным источником.

Метафора неизвестности в ольфакторном контексте служит инструментом экспликации когнитивной дефицитарности – невозможности однозначной идентификации источника перцепции через имеющийся у субъекта эмпирический опыт. В данной модели запах концептуализируется как информационная лакуна, требующая интуитивной дешифровки.

Репрезентативным примером реализации данной модели выступает фрагмент из произведения Д. Гранина: *«Он никогда не видел, чтобы она душилась, но всегда от нее исходил какой-то особый аромат, непохожий на обычные духи, которые он дарил ей»*. Лингвистический анализ контекста позволяет выявить оппозицию между дескриптивным «знаемым» (стандартные «духи») и перцептивным «непостижимым» («особый аромат»). Использование квантора неопределенности «какой-то» в сочетании с адъективом «особый» формирует зону семантической энтропии, где ольфакторный объект выводится за пределы рациональной характеристики.

Отрицательное сравнение («непохожий») выполняет функцию апофатического описания: автор определяет сущность запаха через отрицание привычных бытовых эталонов. В данном контексте метафора неизвестности претерпевает синестемический сдвиг, трансформируясь из физического признака в психологический маркер.

5. Натурморфная (природная) метафора. Данная модель реализуется преимущественно через уподобление запаха водной стихии. Использование глаголов «разливаться», «течь», «затоплять» позволяет представить аромат как динамическую субстанцию. Применение положений Н. Д. Арутюновой (1999) о механизмах метафорической номинации позволяет интерпретировать такие контексты как способ репрезентации всепроникающего характера запаха. Ольфакторный образ в рамках этой модели утрачивает дискретность и концептуализируется как непрерывная среда, заполняющая окружающее пространство.

6. В ольфакторном дискурсе метафора природы реализуется через гидроморфную модель, уподобляющую запах агрегатному состоянию жидкости, или через механизм локативной идентификации, при которой аромат выступает субстанциональным эквивалентом конкретного топоса (деревни, хутора, бытового пространства).

Репрезентативным примером реализации данной модели служит фрагмент из произведения М. Горького: *«Обои в комнате потрескались, и сквозь щели переборки из трактира в комнату свободно текли и звуки и запахи»*. Центральным элементом здесь выступает предикат «течь», который переводит ольфакторный образ в категорию природной стихии. Использование гидроморфной метафоры лишает запах антропогенной искусственности: он концептуализируется как физический поток, подчиняющийся исключительно законам диффузии и гравитации, а не воле субъекта.

Проникновение запаха сквозь «щели» уподобляется стихийному процессу (паводку). В данном контексте метафора природы выполняет социально-бытовую функцию: маркеры трактирной среды (запахи гари, пищи, алкоголя) объективируются как неизбежное, ландшафтное явление. Ольфакторный модус перцепции здесь становится инструментом описания «проницаемости» пространства, где невозможность отгородиться от запаха символизирует отсутствие приватности и бытовую незащищенность героя.

7. Темпоральная метафора (метафора времени). Основана на способности запаха функционировать в качестве хронотопа.

Метафора времени в ольфакторном дискурсе обеспечивает сенсоризацию абстрактных хронологических категорий, трансформируя темпоральные отрезки (биографические этапы или сезонные циклы) в разряд эмпирически верифицируемых образов. В рамках данной модели запах функционирует как когнитивный маркер временной границы, позволяющий объективировать категорию прошлого.

Репрезентативным примером реализации данной модели служит фрагмент из произведения В. Г. Короленко: *«Вспоминаю тогдашнее особенное настроение. Аромат юности»*. В данном контексте происходит метафорическое соотнесение временного периода с ольфакторным образом: определенный этап жизни («юность») наделяется чувственным признаком.

Метафоризация времени через ольфакторный модус перцепции позволяет авторизованному рассказчику выйти за пределы фактологического воспоминания к воспроизведению «атмосферы» или «духа» эпохи. Время концептуализируется как летучая, эфемерная субстанция, единственным способом фиксации которой является ольфакторная фиксация. Таким образом, темпоральная метафора служит инструментом ретроспективной идентификации, превращая абстрактное время в чувственно переживаемый «интеллектуальный аромат».

Проведенный когнитивно-семантический анализ иллюстративного материала позволил реконструировать иерархическую систему метафорических моделей, обеспечивающих вербализацию ольфакторного опыта в русском языке. Установлено, что доминирующие модели – динамическая и параметрическая (по 9% каждая) – выполняют функцию онтологизации запаха, наделяя его автономностью субъекта или физическими характеристиками тела (весом, плотностью). Модели антропоморфного (3%), натурморфного (2%) и темпорального (2%) типов служат инструментами аксиологической интерпретации и сенсоризации абстрактных категорий, превращая

химический раздражитель в ценностный маркер, стихийный процесс. Выявленная метафора неизвестности (2,5%) эксплицирует когнитивную лакунарность и переводит ольфакторный признак в зону психологической неопределенности. В целом лексикографический дискурс демонстрирует устойчивую тенденцию к реификации и соматизации незримой перцепции, где метафорическое моделирование выступает основным когнитивным механизмом преодоления «трудновербализуемости» ольфакторного модуса перцепции.

Заключение

Комплексный анализ иллюстративного массива объемом 3096 единиц, извлеченных из 24 лексикографических источников, позволил верифицировать специфику вербализации ольфакторного модуса перцепции в русском языке и сформулировать следующие положения:

1. Доминирование межанализаторной конвергенции. Установлено, что 18% исследованного материала базируется на механизмах языковой синестезии. Абсолютное преобладание вкусовой модели (70%) эксплицирует тенденцию к предельной соматизации запаха, подтверждая его когнитивную связь с биологически значимым опытом («на кончике языка»). Использование аудиальных (14%) и тактильно-температурных (10%) переносов служит инструментом объективации эфемерной перцепции, трансформируя запах в осязаемый и пространственно локализованный объект, способный транслировать модальность физического комфорта или дискомфорта среды.

2. Когнитивно-семантический потенциал синестемии. Синестемия (выявленная в 10% выборки) функционирует как когнитивный «мост» между сенсорной перцепцией и ментальной сферой, обеспечивая овеществление абстрактных категорий (любовь, ностальгия, романтика). Обнаруженная в современных текстах тенденция к описанию висцеральных реакций (спазмов, мышечных сокращений) свидетельствует о глубокой соматизации ольфакторного образа. В данном случае запах репрезентируется как фактор, вызывающий прямой телесный отклик, что подтверждает его значимость в структуре механизмов памяти, основанных на чувственном опыте субъекта.

3. Типологическая вариативность метафорических моделей. Метафоризация ольфакторного модуса перцепции (27,5%) реализуется через систему устойчивых моделей, обеспечивающих его когнитивную интерпретацию:

– динамическая (9%) трансформирует признак из категории «качество» в категорию «процесс», наделяя запах субъектностью и интенциональностью;

– параметрическая (9%) вербализует интенсивность аромата через характеристики веса, плотности и мощности, создавая эффект физического давления на реципиента;

– антропоморфная и натурморфная (7,5%) субъективируют ольфакторный образ, превращая его в активного участника событий или стихийный поток, способный транслировать «семантику умолчания»;

– темпоральная и локативная модели формируют ольфакторный хронотоп, при котором запах выступает аккумулятором «духа времени» и маркером пространственных границ.

4. Лексикографическая детерминированность. Исследование подтверждает, что иллюстративный материал авторитетных словарей является ценным источником данных для анализа способов концептуализации запаха. Лексикографический контекст фиксирует многообразие способов овеществления перцептивного опыта, позволяя реконструировать механизмы описания незримых признаков. Это способствует формированию многоуровневого художественного конструкта ольфакторного образа, объединяющего сенсорные, эмоциональные и оценочные характеристики в рамках языковой системы.

Таким образом, ольфакторный модус перцепции в русском языке представляет собой не пассивный сенсорный фон, а высокоструктурированную когнитивную систему, обладающую биологической и эмоциональной активностью, реализуемой через сложные метафорические и синестетические стратегии.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы за счет привлечения национальных корпусов русского языка для сопоставления лексикографических данных с живым функционированием ольфакторного кода в современном медиадискурсе. Планируется продолжить изучение темы в направлении сравнительно-типологического анализа ольфакторных метафор в разноструктурных языках для выявления универсальных и этноспецифических механизмов концептуализации телесного опыта.

Материалы исследования | Research materials

1. Багриновский Г. Ю. Краткий этимологический словарь: более 5000 слов, их происхождение и датировка. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2018.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2001.
3. БАС – Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. М. – СПб.: Наука, 2004-2021. Т. 1-27.
4. Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Словарь паронимов современного русского языка. М.: АСТ; Астрель, 2002.
5. БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
6. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Изд-е 4-е / под ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010.
7. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005.
8. Васюкова И. А. Словарь иностранных слов: ок. 5000 слов. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005.

9. Горбачевич К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М.: АСТ; Астрель; Ермак, 2004.
10. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2002.
11. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014.
12. Козинец С. Б. Словарь оксюморонов русского языка. Саратов: Саратовский источник, 2014.
13. КСРЯ – Комплексный словарь русского языка / под ред. А. Н. Тихонова. М.: Русский язык – Медиа; Дрофа, 2009.
14. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. М.: Флинта; Наука, 2015.
15. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957-1961. Т. 1-4.
16. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003.
17. Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М.: Русский язык, 2004.
18. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Изд-е 4-е, доп. М.: ИТИ Технологии, 2007.
19. Петрова М. В. Словарь крылатых выражений. М.: Рипол-классик, 2011.
20. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008.
21. СРФ – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
22. СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 4-е, стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1-4.
23. Федорова Т. Л. Фразеологический словарь русского языка. М.: ЛадКом, 2013.
24. ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка. М.: ЛадКом, 2012.

Источники | References

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Барышников П. Н., Велис Л. А. Вербализация сенсорного опыта и анализ данных: построение статистических моделей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 7 (901).
4. Брылева Р. Ф. Функционально-семантическое исследование ольфакторной лексики в русском, французском и башкирском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2016.
5. Валуйцева И. И., Стариченко Н. С. Парфюмерный запах как объект синестетической метафоры в интернет-пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2015. № 1.
6. Вэй Жань, Зайцева О. В., Катышев П. А. Концептуализация стимулов ольфакторного восприятия носителями русского языка (на материале отзывов о парфюмерии) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 8.
7. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
8. Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке: монография. М.: Флинта: Наука, 2015.
9. Иванян Е. П., Иванова П. С. Синестезия и синестемия в сравнениях ольфакторного модуса перцепции // Горизонты современной русистики: сборник статей. М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020.
10. Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерологии: дисс. ... д. филол. н. Ростов н/Д., 2001.
11. Моисеева С. А. Синкретизм эмпирийных прилагательных и синестезия // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: сборник научных статей Международной научной конференции (г. Белгород, 12-14 мая 2014 г.). Белгород: Белгородский государственный университет, 2015.
12. Москвин В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории. М.: ЛЕНАНД, 2006.
13. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1995. № 6.
14. Смолина А. М. Синестезия как троп метафорического типа // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2009. № 2 (приложение).
15. Филиппова Г. Н. К вопросу о статусе стилистического приема синестезии // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 3.
16. Харченко Е. В., Фу Хуэйюй. Стратегии вербализации запахов у носителей китайского и русского языков // Вопросы психолингвистики. 2025. № 1 (63).
17. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001.
18. Jraissati Y., Deroy O. Categorizing smells: a localist approach // Cognitive Science. 2021. Vol. 45.
19. Majid A. Human Olfaction at the Intersection of Language, Culture, and Biology // Trends in Cognitive Sciences. 2021. Vol. 25. No. 2. https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.11.005
20. Zhykharieva O. Olfactory metaphor: forming, semantics, functioning // Amazonia Investiga. 2024. Vol. 13. № 77.

Информация об авторах | Author information

RU

Степанова Полина Сергеевна[1]
[1] Самарский государственный социально-педагогический университет

EN

Polina Sergeevna Stepanova[1]
[1] Samara State Social and Pedagogical University

[1] *po18li4na@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.04.2026; опубликовано online (published online): 20.05.2026.

Ключевые слова (keywords): ольфакторный модус перцепции; иллюстративный материал словаря; когнитивные модели метафоризации; концептуализация телесного опыта; вербализация ольфакторных образов; olfactory mode of perception; dictionary illustrative material; cognitive models of metaphorization; conceptualization of bodily experience; verbalization of olfactory images.